

ЗНАЧЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО СБОРНИКА «МАРТОВСКИЕ ИДЫ» В ТВОРЧЕСТВЕ В. СОСНОРЫ

© 2026

Е.В. Болнова

Болнова Екатерина Владимировна, SPIN-код: 7779-0276, ORCID: 0000-0003-4956-642X, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), eka332@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию: 12.01.2026**Статья принята к публикации: 16.03.2026*

В статье предпринимается попытка целостного анализа поэтического сборника В. Сосноры «Мартовские иды», датированного 1983 г. Особое положение данной книги связано с тем, что она является первой написанной автором после пережитой клинической смерти и потери слуха и последней написанной перед шестнадцатилетним отказом Сосноры от публикации поэтических произведений. При работе над статьей использованы биографический, культурно-исторический, мифологический, описательно-функциональный, сравнительно-сопоставительный и формальный методы исследования. Рассматривается мотивно-образная система сборника, делается вывод о значимости образов Бога Отца и Бога Сына, представленных в разных ипостасях. Анализируется принцип работы автора с историческим материалом, оказывающийся синонимичным представленному в исторической прозе Сосноры (книга «Властители и судьбы»). Отмечаются переключки сборника «Мартовские иды» как с предыдущими сборниками («Хутор потерянный» и «Верховный час»), так и с первым поэтическим сборником, написанным Соснорой после шестнадцатилетнего молчания («Куда пошел? и где окно?»). Выборочно анализируются многочисленные аллюзии и реминисценции, присутствующие в каждом стихотворении сборника «Мартовские иды». Делается вывод о значимости обращений к творчеству А.С. Пушкина, У. Шекспира, Н.В. Гоголя, М. Цветаевой, А. Блока и ряда других авторов. Таким образом, сборник «Мартовские иды» рассматривается в рамках широкого культурно-исторического контекста, в который встраивает его автор. Новизна проведенного исследования определяется отсутствием на данный момент литературоведческих работ, посвященных осмыслению роли и места сборника «Мартовские иды» в творчестве Сосноры.

Ключевые слова: В. Соснора, сборник «Мартовские иды», поэзия второй половины XX в.

В. Соснора является одним из крупнейших русских авторов второй половины XX – начала XXI вв. Его поэтическое и прозаическое наследие осмысливается в статьях В. Новикова [Новиков 1979], А. Арьева [Арьев 1993; Арьев 2001; Арьев 2011], И. Лощилова [Лощилов 2022а; Лощилов 2022б], И. Лощилова и Т. Ковалевой [Ковалева, Лощилов 2022; Ковалева, Лощилов 2023а; Ковалева, Лощилов 2023б; Ковалева, Лощилов 2024], Л. Зубовой [Зубова 2004], О. Соколовой [Соколова 2006], Ю. Доманского [Доманский 2024] и ряде других работ. Однако анализу места и роли отдельных поэтических сборников и прозаических книг в творчестве Сосноры на данный момент посвящено не так много исследований. Среди них необходимо назвать работы В. Новикова [Новиков 2017], Л. Зубовой [Зубова 2022], Е. Болновой [Болнова 2020; Болнова 2024а; Болнова 2025].

Сборник «Мартовские иды», к целостному анализу которого мы и обратимся, датирован 1983 г. Он написан после довольно длительного перерыва: предыдущий поэтический сборник «Верховный Час» объединяет тексты, написанные в 1979 г. В четырехлетний промежуток, разделяющий «Мартовские иды» и «Верховный Час», автор пережил клиническую смерть от панкреонекроза, лишился слуха в результате лечения антибиотиками. Однако эти внешние события при всей своей трагичности являются лишь отражением тех внутренних процессов, которые происходили в жизни Сосноры. Предыдущий поэтический сборник «Верховный Час» – подведение творческих и жизненных итогов, ревизия тем, идей, образов предшествующих книг Сосноры [Болнова 2026]. Именно этот сборник может быть определен как творческий взлет поэта, потребовавший напряжения внутренних сил. Об этом говорится в исследовании В. Новикова: «Этот год у поэта – пик продуктивности; для сравнения: предыдущая книга – “Хутор потерянный”, писавшаяся в течение трех лет, с 1976 по 1978 г., включает тридцать стихотворных текстов. После “Верховного Часа” у поэта долго не рождаются новые стихи. В 1983 г. появляется цикл “Мартовские иды” (в нем семнадцать стихотворений), после чего наступает продолжительное молчание – вплоть до книги “Куда пошел? И где окно?” 1999 г. Выступая в 1991 г. перед студентами Литературного института, Соснора на довольно наивный вопрос одного из слушателей: “Сколько надо

написать стихов, чтобы стать поэтом?» — дает парадоксально-саркастический ответ: “Не знаю. Сам я в настоящий момент стихов не пишу и, стало быть, поэтом не являюсь” [Новиков 2017, с. 163].

В отчасти автобиографической книге «Дом дней» Соснора так определил произошедший перелом: «До 30 лет я выступал на сценах, поя, в роли воскресителя усопших. И слава моя затмила (осветила?) мир, советско-заграничный. Но вдруг как отрезало, я совершил хадж, ушел в глушь и пил. До смерти. До потери второй головы, хоть и удалось сохранить ее, но многого уж нет в ней» [Соснора 2001, с. 541].

Клиническая смерть и потеря слуха настигли поэта в 1981 г. Следовательно, «Мартовские иды» — первый сборник, написанный после данных событий. При этом он же является последней поэтической книгой перед шестнадцатилетним молчанием Сосноры.

С одной стороны, «Мартовские иды» ярко обозначают наметившийся сдвиг в поэтической системе Сосноры, движение к которому очевидно, но отнюдь не системно в двух предыдущих сборниках: «Хутор потерянный» и «Верховный Час». С другой стороны, в нем обнаружимы уже и те черты, которые найдут отражение в последних поэтических сборниках Сосноры, написанных после 1999 г.

Заглавия сборника и одноименной поэмы в нем отсылают к двум контекстам: историческому и культурному. Мартовские иды 44 г. до н.э. — это дни, когда был убит Цезарь. Фраза: «Ид марта берегись» (в переводе И.Б. Мандельштама) — из пьесы У. Шекспира «Юлий Цезарь» стала крылатой. История смерти Цезаря осмысливается Соснорой в поэме «Возвращение к морю (попытка)»:

<...> «Я Кесарь», — и смешон, убит,
и не хоронят, — чуть не сумасшедший.
Гай Юлий! — автор, ввел водопровод,
имен-племен-времен-империй — туз он,
сказал ж: «Я — Кесарь!» — дров-то в рот, а вот
лежит, убит — кем, чем? — третейским трусом.
О ком, о чем писать жизнелюбовь,
юрист с лысцей и козопас без рыльца?
А Цезарь — римомир, огромен, жив,
имел он щеки льва, глаза, и брился.

Он фараонов уложил в постель
Папирусную – в моря дно, читатель.
Центурион, ценитель, для поэм
он нам оставил плакальщицу-чайку [Соснора 2018, с. 774].

При этом в поэме «Мартовские иды» теме смерти Цезаря отведено значительно более скромное место, она остается в подтексте, как событие, наложившее отпечаток на всю последующую историю человечества. Важнее поэтому в данном произведении образ Брута, убившего Цезаря (Соснора опосредованно соотносит Брута с пушкинским Самозванцем, обыгрывая фразу из «Бориса Годунова»: «Тень Грозного меня усыновила», и с Иудой, повесившимся, по народным поверьям, на осине):

Тень Цезаря меня усыновит
за Брута труп в пятнадцатом сонете.
Он, осенью покончивший с собой
за двадцать три – в пах консулу удара,
и ты, Брут, свис, осиновый, с судьбой
не сбывшийся, в семье не без уroda.
Кем не воспетый, ты как дама пик,
у сцен, у солнца Цезаря питомец,
тираноборец, бил бы в грудь, но в пах... –
за всех завистник, эх, ты, пахотинец!
Как прутья, лягут Брутья в тесноте,
в Сенате – рвутся в русла, оборванцы... [Соснора 2018, с. 740].

Обращает на себя внимание утрата автором интереса к классическим лирическим формам, средним по объему поэтическим произведениям, тяготение к экспериментальным, чаще всего большим формам. Так, в сборник «Мартовские иды» входит 17 произведений, среди которых 11 по объему не превышают 24 строки («Ресницы у овец на бя», «У туч очутились, где в рисунках янтарь...», «Романс-Рождество», «Овидиу», «Сравнительное», «Кот-конвоир», «Палиндром – и ни морд, ни лап...», «Ось таланта чуть качнется – кони в крик...», «Госка по родине», «Музыканты. Их пять», «У дуба лист опал, нет в саду воды...»). Несколько стихотворений занимают промежуточное положение. Например, произведение «В метель» состо-

ит из четырех небольших частей, «Москва в заборах» – из двух. К крупным формам, приближающимся по ряду признаков к поэмам, можно отнести тексты «Мартовские иды», «Anno Iva», «Возвращение к морю (попытка)», а также завершающий весь сборник текст «Зимний сад. Звездопад (В Отепя, нечто о новелле)». Именно последние четыре текста занимают большую часть всей книги с точки зрения объема. Стилистически и образно они отчасти опираются на крупные лиро-эпические формы предыдущих сборников, например «Хроника 67», и превосходят сборники «Флейта прозаизмы», «Двери закрываются» и «Мотивы Феогнида. Энеада».

Как и в большинстве поэтических сборников Сосноры, первое стихотворение является своеобразной увертюрой, задающей идейно-тематический тон звучания всей книги. При этом эти тексты, как правило, достаточно лаконичны. Сборник «Мартовские иды» открывается заглавленным по первой строке стихотворением «Ресницы у овец на бя»:

Ресницы у овец на бя.
Уснули люди у себя.
Закрыло Солнце веко льва,
взошла на воздухе Луна.
По всем шоссе шел некто Бог,
он был бездетен, босоног.
Все было так, как было жаль,
как я во ржи, как червь, лежал.
И поцелуи всей Земли
по телу мучили и жгли [Соснора 2018, с. 732].

В первой части создается идиллическая картина уснувшей земли, по которой идет «некто Бог». Неканоничность данного образа подчеркивается использованием неопределенного местоимения, а единственными признаками, определяющими его, становятся бездетность, которая может указать на соотнесение данного образа с Иисусом Христом, и босоноготь, которая выступает как указание на его бедность. С другой стороны, в босоногости героя можно усмотреть и его желание слиться с землей. Данный мотив будет реализован применительно и к лирическому герою, появляющемуся в

последних четырех строках. Строка «как я во ржи, как червь, лежал» может быть прочитана как реминисценция стихотворения А.С. Пушкина «Пророк», в котором лирический герой после встречи с шестикрылым серафимом лежит неподвижно в пустыне: «Как труп в пустыне я лежал» [Пушкин 1977, с. 304]. Перенесение места действия в среднерусский пейзаж снижает высокий пафос истории, как и образная замена грозного серафима на «некоего» Бога, идущего по «всем шоссе». Лирического героя стихотворения Пушкина жжет изнутри та метаморфоза, которую он претерпел по воле грозного бога, в то время как в тексте Сосноры лирический герой сливается с Землей, напитываясь ее высшим знанием. Образ Иисуса Христа будет и дальше встречаться в сборнике «Мартовские иды». Например, в поэме «Возвращение к морю», а также в 21 и 22 частях поэмы «Anno Iva»:

У входа в комнаты, где пир и свет,
с ножом порежут трапезу, но чист бы
был помысел – все видя, выйти в сад,
не мыть по мясу, жить в свой час у чаши.
И, вышед в сад из комнат Иисус
Отца послушать, вьющий ветер с трав тех,
что скажет в Год в расцвете полных сил, –
от рождества Христова тридцать третий?
Но ночь в груди, а впереди петух,
Отец у слуха к горю и в глаголе,
а под пятой земля тверда, как пуп,
она кружится, с глиной, с головою.
И скажет Он: любовь твоя, но ты в
уже прошедший шаг нога обута,

22

у комнат всем темно смотреть и выть,
уж дюжину твою никто не любит.
Уж за тобой – иной косец, и срок
у новых роз, и зоркость новых истин,
а где расцвет или конец, сынок, –
то никому из комнат не известно.
Пойдут! – и шелкнут в пальцы, в рот кумыс,

в телегу этот лег с другим у морды,
я не скажу, расцвет или конец,
ни одному адаму и удмурту.
Небесна лошадь ест в желудок пуст,
Бог не боится журавлиной соли,
я никому на камне не пишу,
кто ж эти обвинители, о Сыне? [Соснора 2018, с. 758–759].

Примечательно, что в приведенном отрывке разворачивается переосмысленная автором часть евангельской истории, при этом развитие получают детали, заявленные в первом стихотворении книги «Мартовские иды». Осмысляются и «босоногость» Христа, и его отношения с Отцом. Так, в приведенном фрагменте Соснора передает прямую речь Бога Отца, обращенную к Иисусу, которому предстоит вскоре взойти на Голгофу. Однако прямая речь не закавычена, что оставляет простор для читательской интерпретации, допускающей отнесение реплики к категории возможного, предполагаемого диалога. Напомним, что в Евангелиях от Матфея, от Марка и от Луки говорится о молитве Иисуса Христа в Гефсиманском саду, но нет упоминаний об ответе на эту молитву Бога Отца.

Во втором стихотворении «У туч очутись, где в рисунках янтарь...» мотив ученичества рассматривается автором в принципиально ином контексте, предвосхищающем сложный философско-эротический план цикла «Уходят женщины», входящего в сборник «Куда пошел? и где окно?»:

Что в ребрышках рыбки в отверстиях колб,
нырянье у ню во моря...
Не лучик, не ключик, ни Бог и ни Блок, –
учи, ученица, меня.
По пояс по стиксам пастись, где, венец
из вод извлекаая, как цепь,
клянись: – Уцелеть бы, где Овн и Телец! –
клянись себе: – Не уцелеть!
Клянись мне, как лотос клянется у Будд
на всечеловечий мяук:
мы в дом не уйдем, и у битв не убьют,
клянемся, – нас, медиум-двух! [Соснора 2018, с. 732–733].

Изучение архивных материалов позволяет утверждать, что часть стихотворений, вошедших в цикл «Уходят женщины», была написана поэтом еще в 1970-е гг. [Болнова 2024б]. При этом в книге «Мартовские иды» присутствуют и другие образные и тематические переключки со сборником «Куда пошел? и где окно?», вышедшим в 1999 г. Второе стихотворение микроцикла «В метель» предвосхищает метапозицию лирического героя цикла «Уходят солдаты»:

Мы – пятая колонна, легион
истории у стран мы иностранный.
Свободен я! Всем телом сквозь метель
под белой рыбы снеговой, но удим,
идем, как пароход Эль-Меншийя
в пути по Нилу к моему народу.
Пришел, стою. Как капитан, в костюме
одет, китайских кос по шею носим,
я радуюсь, жгу в синю ночь костер,
я склею личность – лампочку ночную [Соснора 2018, с. 734].

В приведенном отрывке лирический герой, с одной стороны, выступает как индивидуальность, что подчеркивается позицией личного местоимения первого лица единственного числа «я»: в предложении «Свободен я!» смысловой акцент на данное местоимение падает за счет инверсии. В последних двух приведенных строках оно же поставлено в заведомо семантически сильную позицию начала строки, которая поддерживается за счет анафоры. С другой стороны, лирический герой соотносит себя с неким меньшинством, «пятой колонной», с которой, однако, он чувствует внутреннее единство, что на синтаксическом и лексическом уровнях находит выражение в сильной позиции начала текста и начала строки, которое занимает местоимение первого лица множественного числа «мы», выделенное дополнительно семантическим тире между подлежащим («мы») и сказуемым («пятая колонна»), не соответствующим требованиям пунктуации.

Предвосхищает цикл «Уходят солдаты» и финальная 47 глава поэмы «Anno Iva»:

Но так ли уж не страшен человек?
В крови и жизни я стою... Финал, и
я вижу месяц сбоку, ниже – челн
и всю тьму моря с синими волнами.
Потопу – быть, где строится ковчег,
льют стеклодувы нашу ля по небу,
с цветочком фа по ободу венок
я с головы – на шею! – шлю по Нилу,
я вижу все сквозь половинки век,
как тонут племена за племенами.
Как с горестью, беря на выход чек
в порт роковой, где дутый ворон Амен,
плывут за человеком человек
и душу рвут мою за временами [Соснора 2018, с. 768].

Отдельного анализа в микроцикле «В метель» требует сравнение героя себя и единомышленников с пароходом «Эль-Меншийя», который упоминается в книге популяризатора археологии Л. Котрелла «Во времена фараонов», опубликованной в издательстве «Наука» в 1982 г. Можно предположить, что именно книга Л. Котрелла, описывающая культуру Древнего Египта, послужила толчком к созданию ряда текстов, входящих в «Мартовские иды». Речь идет о тех произведениях, в которых упоминается мифология Древнего Египта. К их числу может быть отнесена и поэма «Возвращение к морю (попытка)».

Тема войны становится сквозной, хотя и не центральной в сборнике «Мартовские иды». Так, она поддерживается в поэме «Возвращение к морю (попытка)» в третьей главе:

Вот я: ребенком, вставши поутру,
в пять лет игрался с пролетавшей пулей.
Я рос среди пуль, как гений-музыкант
в кружочках нот, и что ж держа на сердце? –
один расстрел, одну в законе казнь,
наркот и две клинические смерти [Соснора 2018, с. 772].

Позднее тема ребенка на войне станет одной из ведущих в поэме «999-666», входящей в предпоследний поэтический сборник Сосноры «Двери закрываются». Она же реализуется и в поэме «Мартовские иды». Лирический герой примеряет на себя роль «сына полка», что имеет очевидные корни в детстве самого Сосноры, который, вероятно, некоторое время мог находиться при отце, воевавшем в Великую Отечественную войну на командной должности в составе войска Польского. Образ ребенка-солдата неразрывно связан с образом грозного, но любимого отца. Одним из вариантов земного воплощения Бога Отца, чей образ является центральным в сборнике «Мартовские иды», выступает И. Сталин:

На родине рояли не звенят,
и горя много, больше, чем в Европе.
И что уж этот ужас и усы,
все – впереди, и по досье – наука,
на Красной башне в полночь бьют часы,
Иосиф Виссарионович, – ну, как Вам?
Теперь, куда ни плюнь, – и волк, и сед,
жор рож вокруг, живем ужасней казни.
Я Вас любил. Я был солдат в семь лет
в той русской и пятиконечной каске.

V

Вы взломщик касс и крестный крыс отец,
все рты мертвы, тюремны миллионы.
Но из Имен в Двадцатом Веке – кто?
«За Сталина!» – Вторая мировая.
Генералиссимус! Из вен и цифр
всех убиенных воинов – строка та.
Но если есть Истории Весы,
они запомнят залпы Сталинграда.
А претенденты – пойнтеры на свод
законов власти – так ль уж на диете?
Ведь грамота террора и свобод
известна тем и тем, и кто тут дети? [Соснора 2018, с. 736–737].

Центральной не только в поэме «Мартовские иды», но и во всем сборнике становится попытка осмысления истории как переплетения судеб отдельных людей. Оптика автора в данном случае та же, что и в прозаических произведениях, вошедших в сборник «Властители и судьбы», опубликованный с большим трудом в 1986 г., но написанный значительно раньше. Таким образом, тема русской и мировой истории, соотношение в ней правды и домысла, случайного и закономерного, сиюминутного и вечного занимает Соснору и требует воплощения и в поэтических, и в прозаических текстах. При этом Соснора не только не чуждается непроверенных домыслов, сплетен и исторических анекдотов, но специально вплетает их в ткань художественного произведения, наряду с подтвержденными фактами. Это можно объяснить тем, что автору важна и объективная роль, сыгранная тем или иным человеком в истории, и народная слава, которая ярче всего проявляется именно в анекдотах и сплетнях.

В финальных строках поэмы «Мартовские иды» тема истории, неразрывно переплетенной с культурой, вновь рассматривается автором в контексте взаимоотношений Отца и Сына:

но рвутся сабли в книгах, как сердца,
ломаются, – и это Запорожье
взаправдашнее... Сын зовет Отца,
а весь миллион народа и не вздрогнул [Соснора 2018, с. 746].

Данные образы могут быть прочитаны максимально широко, включая все возможные контексты, начиная с очевидной отсылки к героям повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», заканчивая включением их в архетип взаимоотношений карающего отца или приносимого в жертву сына.

В сборнике «Мартовские иды» наиболее значимыми являются контексты античной культуры, европейского Возрождения, русской истории и литературы, шекспировский, библейский тексты. Несмотря на широкий круг привлекаемых источников, автор точно выбирает материал, который в каждом конкретном случае служит раскрытию важных тем и смыслов. Одна из таких творческих переключек была проанализирована в статье И. Ложилова, посвященной

стихотворениям «Тоска по родине» Сосноры и «Тоска по родине! Давно...» М. Цветаевой [Лощилов 2022].

Шекспировский текст является важным и в целом ряде предыдущих сборников, таких как «Продолжение», «Хутор потерянный», «Верховный час». В сборнике «Мартовские иды» он легко различим и в текстах, которые так или иначе разрабатывают тему смерти Цезаря, о чем уже говорилось выше. Кроме того, во второй части стихотворения «Москва в заборах» шекспировский текст осмысливается в соотнесенности с переводами Б. Пастернака:

Нельзя светить везде за их жетон
погибшему от пуль при Геродоте,
принц Пастернак сыграл впустую жизнь
Шекспира, поучительное горе [Соснора 2018, с. 747].

В восьмой главе поэмы «Возвращение к морю (попытка)» вновь фигурируют отсылки к трагедии «Гамлет», которая в целом оказывается наиболее активно переосмысленной Соснорой в сравнении с другими произведениями Шекспира.

Среди русских правителей наиболее часто в сборнике «Мартовские иды» упоминаются Иван Грозный, Петр I, Павел I, Александр II, Сталин. Иногда их судьбы, как и судьбы других исторических деятелей, даны автором в сопоставлении с судьбами писателей и героями художественных произведений:

Но март – особый, первозвук у ид,
концерт кошачий, бег у Бонапарта,
и Цезарь был, и Павел был убит,
и Гоголь лег и умер в раме марта.
А русский рокот, умный муж, Перун,
грозящий в груди Митя Карамазов? [Соснора 2018, с. 741].
<...>
У нас в России всё – взаим и связь:
вот умер Грозный и родился Гоголь [Соснора 2018, с. 742].

Исследуя трагические судьбы представителей истории и культуры, Соснора размышляет о своеобразном числовом совпадении:

большая часть тех, кого он выводит в данной книге, были убита или умерли в марте. Таким образом, убийство Цезаря в мартовские иды, как уже говорилось, становится некой моделью, затем многократно воспроизведённой самой историей. В последнем приведенном фрагменте данная числовая закономерность обыграна антонимично: Гоголь в марте не умер, но родился.

Символикой чисел, как показывает К. Ичин в статье «Виктор Соснора о числах» [Ичин 2022], Соснора всерьез увлекался, что нашло отражение в его и прозаических, и поэтических произведениях. Так, и в поэме «Anno Iva» несколько глав построено на поиске и выстраивании числовых символических параллелей:

Я в девять, три и шесть, в итоге сумм
рожденный в три шестерки Зверя с моно,

36

я, вычисливший цифру сорок семь
свою и Моисея с Соломоном,
надень на дом всю тысячу, врагу
отдай еще, макая камень в воду,
в пруду тринадцать чаек, говорю,
он в Ленинграде, с гравием, у дома [Соснора 2018, с. 764].

Таким образом, в сборнике «Мартовские иды» можно выделить несколько ключевых тем, последовательно разрабатываемых автором. Прежде всего, это осмысление сложного переплетения истории и культурного полотна, связь судеб знаменитых людей, их влияние на историю и память о них, нашедшая выражение в произведениях искусства, в исторических анекдотах и легендах. Во-вторых, одной из важнейших в сборнике «Мартовские иды» станет тема взаимоотношений отца и сына, раскрытая на богатом историческом (убийство Павла I при участии Александра I и др.), культурном (повесть «Тарас Бульба» Гоголя и др.), мифологическом (распятие Иисуса Христа) материале.

Проведенный анализ показывает, что «Мартовские иды», с одной стороны, вбирают в себя основные черты, присущие предыдущим сборникам Сосноры, автор во многом сохраняет поэтический

язык и оптику, которые характерны для более раннего периода. С другой стороны, возвращение Сосноры в поэзию через шестнадцать лет после написания «Мартовских ид» будет связано с сильным изменением его поэтики, предпосылки которого могут быть обнаружены уже в сборнике «Мартовские иды».

Источники

Пушкин 1977 – Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. Стихотворения, 1820–1826. Л., 1977.

Соснора 2001 – Соснора В. Проза: Романы. СПб., 2001.

Соснора 2018 – Соснора В. Стихотворения. СПб., М., 2018.

Литература

Арьев 1993 – Арьев А.Ю. Арфография: О прозе Виктора Сосноры, опубликованной и неопубликованной // Согласие. 1993. № 3. С. 112–117.

Арьев 2001 – Арьев А.Ю. Ничей современник: (Виктор Соснора: случай самовоскрешения) // Вопросы литературы. 2001. Вып. 3. С. 14–30.

Арьев 2011 – Арьев А.Ю. Дон Соснора де Сааведра (Поэтический мир Виктора Сосноры) // Петербургская поэзия в лицах: очерки. М., 2011. С. 96–113.

Болнова 2020 – Болнова Е.В. Мифологическая картина мира в сборнике В. Сосноры «Тридцать семь» // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2020. № 4 (8). С. 39–55.

Болнова 2024a – Болнова Е.В. Структурные и содержательные особенности сборника В.А. Сосноры «Продолжение» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № S5. С. 6–15.

Болнова 2024b – Болнова Е.В. Творческая история цикла «Уходят женщины» из сборника «Куда пошел? и где окно?» В.А. Сосноры // Вестник гуманитарного образования. 2024. № 3 (35). С. 165–171.

Болнова 2025 – Болнова Е.В. Поэтический сборник В. Сосноры «Двери закрываются» в контексте позднего творчества автора // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. 2025. № 4. С. 51–67.

Болнова 2026 – Болнова Е.В. Художественные и содержательные особенности поэтического сборника В. Сосноры «Верховный Час» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2026. Т. 25. № 2. С. 127–136.

Доманский 2024 – Доманский Ю.В. «Я-то знал, кто они»: красная лошадь и белый пудель в «Латвийской балладе» Виктора Сосноры // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2024. № 2. С. 74–83.

Зубова 2004 – Зубова Л.В. Древнерусский язык в поэтическом отражении: Виктор Соснора // Теоретические проблемы языкознания. СПб., 2004. С. 596–606.

Зубова 2022 – Зубова Л.В. Подобия в книге Виктора Сосноры «Флейта и прозаизмы» // Восемь великих. Российский государственный гуманитарный университет. М., 2022. С. 487–502.

Ичин 2022 – Ичин К. Виктор Соснора о числах // Восемь великих. Российский государственный гуманитарный университет. М., 2022. С. 503–511

Ковалева, Лошилов 2022 – Ковалева Т.И., Лошилов И.Е. Владимир Маяковский как «Запевший Илья Муромец»: «Карачарово» Виктора Сосноры // Филологический класс. 2022. Т. 27. № 4.С. 9–21.

Ковалева, Лошилов 2023а – Ковалева Т.И., Лошилов И.Е. Стихотворение Виктора Сосноры «1111 год»: от древнерусской традиции к авангарду // Герменевтика древнерусской литературы. 2023. № 22. С. 581–599.

Ковалева, Лошилов 2023б – Ковалева Т.И., Лошилов И.Е. «Мстислава древний поединок...»: рассказ «Повести временных лет» в стихотворении В. Сосноры «Бой Мстислава с Редедей» (1959) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 166–179.

Ковалева, Лошилов 2024 – Ковалева Т.И., Лошилов И.Е. Поднятый «бубен»: Древняя Русь и авангард в стихотворении В. Сосноры «Пир Владимира» (1959) // Герменевтика древнерусской литературы. 2024. № 23. С. 613–632.

Лошилов 2022а – Лошилов И.Е. Поэзия и дидактика: о стихотворении Виктора Сосноры «Тоска по родине» // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 101–112.

Лошилов 2022б – Лошилов И.Е. К разбору стихотворения Виктора Сосноры «Разлука звериного лая со страхом совиным...» (1966) // Критика и семиотика. 2022. № 1. С. 366–379.

Новиков 1979 – Новиков В.И. Против течения // Литературное обозрение. 1979. № 1. С. 41–44.

Новиков 2017 – Новиков В.И. Литературные медиаперсоны XX века: Личность писателя в литературном процессе и в медийном пространстве. М., 2017.

Соколова 2006 – Соколова О.В. Деонтологическая модель творчества как смерти в «Девяти книгах» В. Сосноры // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. 2006. № 8. С. 57–77.

THE SIGNIFICANCE OF THE POETIC COLLECTION "THE IDES OF MARCH" IN THE WORKS OF V. SOSNORA

E.V. Bolnova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article attempts a holistic analysis of V. Sosnora's poetry collection "The Ides of March", dated 1983. This book is special due to the fact that it is the first work, written after the author survived clinical death and lost his hearing, and the last before Sosnora's sixteen-year silence as a poet. Biographical, cultural-historical, mythological, descriptive-functional, comparative-comparative, and formal research methods were used in the work on the article. The motif-figurative system of the collection is considered, and a conclusion is made about the significance of the images of God, the Father and the Son, presented in different guises. The author's principle of working with historical material is analyzed, which turns out to be synonymous with that presented in Sosnora's historical prose (the book "Rulers and Destinies"). "The Ides of March" collection is noted for its similarities with previous collections ("The Lost Farm" and "The Supreme Hour"), as well as with the first poetry collection written by Sosnora after sixteen years of silence ("Where did you go? and where is the window?"). Numerous allusions and reminiscences present in each poem of "The Ides of March" collection are selectively analyzed. The conclusion is made about the high proportion of references to the works of A.S. Pushkin, W. Shakespeare, N.V. Gogol, M. Tsvetaeva, A. Blok and a number of other authors. Thus, the collection "The Ides of March" is considered within the framework of a broad cultural and historical context, into which the author embeds it. The novelty of the research is determined by the lack of literary studies at the moment devoted to understanding the role and place of the collection "The Ides of March" in Sosnora's work.

Keywords: V. Sosnora, collection "The Ides of March", poetry of the second half of the 20th century.